ПОЛИН ОШЕР

СЧАСТЬЕ ИЗ МОРСКОЙ ПЕНЫ

Полин Ошер

Счастье из морской пены

«Издательские решения»

Ошер П.

Счастье из морской пены / П. Ошер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853901-5

Эта история — о том, что вся наша жизнь состоит из взлетов и падений, мгновений острого счастья и горьких разочарований.А еще она про то, что всегда, даже в самой тяжелой ситуации, должно быть место надежде: если веришь, что все плохое заканчивается, — когда-нибудь обязательно настанут хорошие дни.

ISBN 978-5-44-853901-5

© Ошер П.
© Издательские решения

Содержание

Глава I. История о болезни 6
Глава II. Уехать в спешке 10
Глава III. Привет, обетованная 18
Глава IV. Сменим камуфляж 20
Глава V. День и ночь 22
Глава VI. Снова больница 25
Глава VII. Колодец клятвы 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Счастье из морской пены

Полин Ошер

Моя любимая, моя родная, моя бедная и моя богатая страна, – все это о тебе, все мои сомнения и страхи, улыбки и радости, смех и слезы.

Ты и я, – мы с тобой навсегда вместе, неразделимы, как бусинки на четках.

© Полин Ошер, 2017

ISBN 978-5-4485-3901-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Меня зовут Полин, и сегодня мне исполнилось тридцать.

Я лежу на животе на кипенно-белой простыне в залитой солнцем комнате, задумчиво шевелю босой ногой и поедаю крупные клубничины из тарелки, которая стоит прямо перед моим носом.

Неплохое начало для Дня рождения, не находите?

В общем-то у меня их два. Два Дня рождения. Один – день, в который я родилась. Второй – тот, в который начала жить заново. И, поскольку история моего появления на свет ничем не отличается от сотен тысяч историй других младенцев, я, пожалуй, расскажу вам о моем втором празднике.

Глава I. История о болезни

Мне было двадцать с чем-то лет, даже, скорее, уже ближе к третьему десятку, чем ко второму. За плечами – обширный багаж: университет, работа с четырнадцати лет, пара лет жизни в другой стране, завершившийся крахом бизнес и одно весьма неудачное замужество. Когда оказываешься один на один с полным свободы миром, вдруг оказывается, что тебе не за что ухватиться, чтобы стоять ровно; и тогда ты цепляешься за первое, что попадет в поле твоего зрения. Да, какое-то время мои вехи – учеба, карьера, брак, – помогали мне держать равновесие, но в какой-то момент все они – бах! Рассыпались, словно домик из карточной колоды.

В то время я тратила на работу все силы, что у меня были. Я работала столько, чтобы больше ни на что не оставалось сил, кроме того, чтобы упасть в неразобранную постель по окончанию одного трудового дня и перед началом нового. Мне казалось, что жизнь моя закончилась в тот момент, когда я продала остатки своего бизнеса и получила от хамоватой регистраторши свидетельство о разводе. С тех пор я была кем угодно: роботом, автоматом, машиной для совершения каких-то действий, но никак не живым человеком, ибо сердце мое навсегда осталось там, где на строгой официальной бумаге еще не стояла моя дрожащая подпись.

Жертвы катастроф часто сравнивают свою историю с падением в бездну. Будто бы они летят куда-то вниз без возможности сменить вектор движения. Мне же казалось, что я просто зависла над пропастью, и бездна смотрит мне прямо в глаза, криво ухмыляясь своим впалым ртом и беззубо хохоча над моей беспомощностью.

И любые усилия, призванные вернуть меня к обычной жизни, в которой есть чувства, были опасными. Потому что мое движение вниз, в самые глубины пропасти, могло возобновиться в любой момент: достаточно было одного невесомого толчка, и я бы полетела туда, во тьму, беззвучно крича от ужаса. А я не хотела падать; и потому мне было больно и страшно даже просто смотреть вглубь себя. Я боялась, что там осталась только лишь одна сплошная пустота, имя которой – ничто.

Нет, радости у меня тоже были. Например, шоппинг. Я пристрастилась к нему в Питере, куда поехала, чтобы не проводить две недели, оставшиеся до получения документов о разводе, глядя в стенку замершим взглядом. Мне казалось, – это поможет как-то взбодриться, увлечься, и снова почувствовать вкус радостной и интересной жизни.

Все две недели я нарезала круги по Питеру, как шальная. Я выходила утром из дома, где жила у своей подруги, и шла, шла, шла. Просто шла. Бесцельно, не зная, куда приду, не анализируя свой маршрут. Я просто двигалась вперед, словно робот, в котором есть всего одна единственная программа: идти, что бы ни происходило хоть снаружи, хоть внутри. Конечно, время от времени я подавала себе импульсы – «надо поесть», «выпей кофе», «зайди в магазин». В последних я иногда просто ходила, бездумно рассматривая ценники, но время от времени мои руки сами хватали что-то с полки и несли на кассу, даже толком не давая мне рассмотреть добычу. Так в моей жизни появился кислотно-розовый в леопардовые пятна пояс в японском стиле, который можно было застегнуть на талии только в том случае, если бы я совсем перестала дышать; странного вида брюки защитного цвета, похожие на средневековые кюлоты и превращающие меня в коротконогого моллюска с неестественно большими коленями; жуткого вида черная куртка, одетому в которую человеку срочно хотелось дать хоть какое-нибудь подаяние.

Вернувшись из Питера, я получила бумажку о разводе и решила, что пора начинать новую жизнь. Так как бизнес я продала, то нужно было найти работу; с этим проблем не было, – мой бывший работодатель, карьеру у которого я променяла на трудные будни эмигранта в другой стране, был рад взять меня обратно. Так я стала руководить отделом, в котором на тот момент,

правда, не было никого, кроме меня. Столь высокая должность тешила мое чувство собственной важности, которое стало единственным, что смогло проснуться во мне и как-то себя проявлять. И потихоньку я начинала работать больше, больше, больше… в выходные, в праздники, задерживаясь на работе до позднего вечера, и делая все, чтобы не оставить себе и малейшей возможности проводить время наедине с собой.

Меня тогда тяготило всякое общение с миром. С друзьями. С родственниками. С родителями, наконец. Все, чего мне хотелось, – это окунаться снова и снова в теплое, безболезненное молчание, в котором ничто не сможет растревожить мое изорванное в клочья сердце.

Прячась от людей, я работала все больше и больше. Очень скоро круг моих друзей поредел, и я практически переселилась в офис, возвращаясь домой только для того, чтобы забыться рваным сном. На доходах это не слишком отражалось, но меня это ничуть не беспокоило. Главное, что у меня не было возможности вести с собой внутренний диалог, я себя не видела и не слышала. Внутреннего «я» у меня в то время будто бы не было вообще; было только внешнее, та картинка, которую видели окружающие. А внутри меня была все та же пустота, которую у меня не было ни сил, ни желания заполнять.

Я не ходила никуда даже в то свободное время, которое у меня было. Редкие вечера, когда я не падала в кровать сразу по прибытию домой, я проводила за просмотром фильма «Дневник Бриджет Джонс» под неизменную бутылку красного сухого, уже на середине которой я начинала рыдать так, что казалось, будто у меня остановится сердце.

Даже это не наводило меня на мысли о том, что со мной что-то не так. Мне казалось, все в порядке, просто время такое, грустить и печалиться.

Я никого не подпускала близко к себе, ни подруг, ни коллег, ни родственников. Закрылась в глухую броню, спряталась поглубже в свой панцирь, затянула потуже капюшон, и всячески старалась казаться невидимой.

И еще много плакала во сне. Просыпалась с мокрым лицом и слипшимися ресницами.

Иногда могла впасть в истерику на ровном месте. К счастью, редко. Например, когда ехала за рулем и вдруг подумала о дворняжке, собачке по имени Филя, которую я все равно не смогу взять к себе. Я тогда остановилась на обочине и плакала, плакала, плакала, и казалось, что со слезами из меня будто бы уходят остатки жизни.

А потом я попала к врачу.

Юному усатому красавцу с кудрявой шевелюрой цвета воронова крыла. Он вообще был похож на изящную породистую лошадь, и, если бы мне не было так больно, я бы присмотрелась к нему поближе.

Тогда я нащупала шишку в груди и подумала – вот незадача, сейчас на работе такой большой проект. Некогда, займусь этим позже.

И я отложила вопрос ненадолго.

Потом еще ненадолго.

Потом еще.

А потом оказалось, что прошел год, а нащупанное никуда не делось.

В общем, пришла пора что-то с этим делать.

Юный врач качал головой и говорил, когда брал пункцию: не бойся, будет быстро и не больно.

И это действительно было так.

Помню, как я лежала на белой койке в белой комнате. Белый потолок кружился у меня перед глазами; я как будто находилась сверху, над телом, и наблюдала, как юный врач колет лежащую на спине женщину тонкой иглой в беззащитную грудь.

Потом было две недели страха. Вернее, нет. Было две недели пустоты, часть которой-таки заполнил страх. Внутри меня по-прежнему было пусто, и где-то на краю меня качался волной вопрос: а что теперь будет? Со мной? Что теперь со мной будет?

Через две недели врачи собрали консилиум, и решили, что нужно вырезать.

И я снова приехала в то же самое отделение.

Подождала своей очереди в грязной приемной, переоделась в байковый больничный халат, смутно думая про себя, что плачу все-таки достаточно немалые деньги; почему тогда здесь все так убого, будто это бесплатный хоспис, а не платное отделение больницы?..

Жутко кряхтящий лифт поднял меня на третий этаж. Кажется, мы ехали туда целую вечность. Рядом со мной была медсестра и женщина на инвалидной коляске. Когда я взглянула в ее лицо, я неприятно укололась о совершенно отсутствующий взгляд ее глаз; руки, иссохшие и сморщенные, равнодушно лежали на ручках кресла, а из-под расстегнутой верхней пуговицы халата виднелся шрам, который находился ровно на том месте, где раньше у нее была грудь.

Меня прошиб пот. Неужели и я такой стану?.. неужели это ждет и меня?..

Лифт остановился, и выплюнул нас в серый больничный коридор. Белые стены с неизменной полоской посередине. Металлические звуки, с которыми перекладывают с места на место инструменты в перевязочной. Запах кислых щей, доносящийся из столовой. Все это я ненавижу с самого детства, в котором мне пришлось много времени проводить в подобных местах.

Я зашла в отделение, и меня тут же ослепил резкий электрический свет сотен ламп, горящих на потолке. От него все казалось слишком плоским и неестественным, и я остановилась, чтобы прикрыть лицо рукой и проморгаться, убрать с глаз выступившие слезы. Затем подошла к медсестре за стойкой. Толстая и неторопливая, она лениво открыла гросс-бух, поводила там пальцем и замерла в задумчивости; потом взяла телефон и застыла с пальцем у диска. Через несколько секунд она положила трубку обратно и воззрилась на меня так, будто впервые меня видела, – хотя всего несколько секунд назад я объяснила ей, кто я и зачем пришла.

Из анабиоза ее вывел юный врач, тот самый, который делал мне пункцию. Он появился из глубин коридора и похлопал меня по спине. Я вздрогнула, обернулась. Толстая медсестра, взглянув на него, тут же расплылась во влюбленной улыбке, в такой, что было понятно, – стоит ему только лишь поманить, и она тут же отдаст ему всю душу.

Юный врач вздохнул; он явно знал о том, как действует на женщин, и было непохоже, что это знание доставляет ему особую радость. Но рядом была я, и ему было на что переключиться. Поэтому он взял меня за руку и повел в палату.

Там была всего лишь одна свободная койка: остальные пять мест занимали женщины разного возраста.

Меня передернуло; я совсем отвыкла от общения с другими людьми, и как-то не ожидала, что придется контактировать с кем-то еще, кроме докторов. Впрочем, и контакта со врачами я бы тоже с радостью избежала. Если бы могла. Если бы. Если…

«Мало мне шишки, еще и людей придется терпеть!», – злилась я, раскладывая свои вещи.

Юный врач сказал, что оставляет меня до утра здесь, а утром за мной «подадут карету». Это было совсем не смешно, но он выразился именно так, хотя речь шла о больничной койке, на которой отвозят в операционную.

Я, конечно, не хватала его за руки с требованием объяснить мне немедленно вся и все. Но, видимо, он понял по моему лицу сам, что мне нужна информация. И рассказал, что, несмотря на пункцию, они точно ничего не знают, и потому приходится «осуществить вмешательство». Нет, это будет не больно, и я ничего не почувствую, – наркоз сейчас хороший. Шрам… Он вздохнул и отвел глаза. Чуть-чуть подумал. «Мы постараемся не оставить вам шрам», – твердо сказал он, смотря мне в глаза. Но он ничего обещать не может.

Врач ушел, я лежала и смотрела в белый потолок, слушая щебет соседок. Я уже знала их имена, и даже их диагнозы, и тем более, – прогнозы, которые они сами себе делали. Каждая из них уже показала мне свои «боевые шрамы». И я с ужасом думала, что если вот это значит – «не оставлять шрам», то какие же следы они могут оставить в самом неприятном случае.

Позвали на обед. Мне не хотелось есть, и я отвернулась лицом к стене, делая вид, что сплю. Медсестра была настойчивой, – она хлопала меня по плечу, побуждая развернуться, а когда я проигнорировала ее советы, начала громким голосом стыдить меня, говоря, что «веду себя как ребенок», «она не нанималась тут побудку устраивать» и «тебе все равно надо поесть». Мне было не слишком понятно, когда мы перешли на «ты», но ее въедливый голос так болезненно ввинчивался мне в череп, что я поддалась уговорам и поплелась в больничную столовку.

Давали щи с размякшей капустой, твердые, как дерево, куски печенки в заплывшем жиром соусе и водянистое картофельное пюре. Я ковырялась ложкой в предложенных блюдах и от нечего делать рассматривала других едоков.

Там были «группки по интересам», некие объединенные по какому-то признаку компании женщин. Они судачили о чем-то между собой, щебетали с другими через столики, и явно чувствовали себя в этом социуме как в своей тарелке. Чего не скажешь обо мне.

Посидев немного, я выпила компоту, отставила тарелки с недоеденным обедом в сторону, и направилась в палату. Там я отвернулась ото всех, поджала ноги, накрылась одеялом с головой и провалилась в долгий сон.

Глава II. Уехать в спешке

Разбудила меня медсестра с таблетками. «Выпейте, – сказала она. Это поможет вам спокойно поспать». Я усмехнулась. Происходящее до боли напоминало мне анекдот про «Больной, проснитесь, вы забыли выпить снотворное». Она тоже улыбнулась, и спросила, – ела ли я. Я отрицательно покачала головой. Тогда она отправила меня в уже закрытую столовую, – там есть повар, она вас покормит, только не забудьте, – таблетки лучше есть после еды.

Повар действительно там была, и она оказалась явно недовольна моим появлением. Но выделила тарелку каши, и я пристроилась в уголке, и макала серый хлеб в комковатую белую массу, пытаясь представить себе, что это не больничная еда, а бабушкин торт с кремом на плотной, тягучей, так прекрасно впитывающей в себя запах ванили манной каше.

Было невкусно, и настолько сухо, что не лезло в горло. Я попросила у повара чаю; в ответ она швырнула мне железную кружку через окно раздачи, что-то раздраженно пробормотав. Вздохнув, я поймала катающуюся по жестяной полке кружку, которая, громыхая ручкой, стремилась добраться до пола. Удивительно. Платишь за ночь в больнице больше, чем зарабатываешь за сутки труда. А чувствуешь себя заключенным, которого шпыняют все кому не лень. Может, это своего рода терапия?

Набрала из большого эмалированного чайника немного коричневой жидкости. Такое ощущение, что чай варили прямо там, в этой емкости. Причем это не первая и не вторая заварка. Пошаталась немного по серому коридору, но вскоре пронзительный свет электрических ламп прогнал меня прочь, и я пошла в палату.

Шла и думала, – почему я? Почему именно я здесь, а не кто-то другой? Я не так много зла сделала, я не убивала, не грабила, не прелюбодействовала, – так за что мне все это? З а ч т о?..

От внутреннего скулежа меня вдруг отвлек странный звук. То ли плач, то ли писк.

Я прошла еще немного, и обратила внимание на нишу в стене, в которой и находился источник звука.

Скрючившись, на подоконнике сидела девочка, совсем юная девушка, у которой вздрагивали плечи и дрожал подбородок, – оттого, что проходили последние слезные конвульсии, которые бывают перед тем, как человека поглощает его внутренняя пустота. Как мне это было знакомо…

Я присела рядом с ней и робко потрогала ее за плечо. Она вздрогнула и обернулась, но даже это крохотное движение стоило ей больших сил. И она залилась в новом плаче.

Спросила, что с ней. В ответ она молча распахнула синий байковый халат, и я увидела красивую, вздернутую грудь. Одну. А еще короткий толстый шрам – вместо второго такого же высокого бугорка с алой пуговкой соска. Это было так дико, так… ассиметрично, что я зажмурилась.

Потом снова открыла глаза и посмотрела еще раз.

Картина никак не изменилась.

Тогда я обняла ее, эту девочку, и мы с ней заплакали уже вместе, в голос, оплакивая каждая свое, но такое общее горе.

Потом, уже находясь в палате, совсем опустошенная от внешних слез и кровоточащей внутри боли, я таращилась без сна в потолок. Царящее вокруг несчастье было оглушительным, оно затмевало все звуки и другие проявления окружающего, НОРМАЛЬНОГО мира. И я никак, никак не могла избавиться от мыслей о том, почему я здесь.

Не вообще в этом мире, а здесь, в этой больнице.

Здесь ведь так ужасно, так страшно. Словно это один из самых последних кругов ада.

Наверняка не все больницы такие. Должны быть места и получше. Вот, например, несколько лет назад одна знакомая, живущая в Израиле, рассказывала о том, как преодоле-

вала схожую с моей проблему. На тот момент ей было за шестьдесят; крепкая, статная женщина, после операции она сменила мужа (второго? Третьего?..). Помню, как она хвасталась, что не осталось даже следа, и показывала всем свою загорелую, по-девичьи крепкую грудь.

«Я ведь тоже могу поехать туда», – вдруг пронзила меня мысль. Могу поехать в клинику в Израиле, а не оставаться на этой обочине жизни. Это же хоспис, самое настоящее «последнее пристанище» перед смертью. Отсюда нет дороги в нормальный мир, мир здоровых. Есть только путь вперед ногами, с биркой на большом пальце.

Неужели я настолько себя не люблю, – чтобы взять и остаться здесь?..

Я лежала на спине и смотрела в потолок, который кружился надо мной и то наклонялся ко мне, то улетал в самые небеса. Наблюдая за ним, я чувствовала, как во мне клубятся непонятно откуда взявшиеся силы. И, как только их концентрация стала критической, – они подняли меня с кровати, и отправили в кабинет к юному доктору.

Тот, по счастью, не ушел домой и даже не спал на своем раскладном кресле, когда я, тихо постучавшись, заглянула к нему. Он стоял у окна, и кивком пригласил меня заходить. В руках у него была рамка с фотографией невероятной грузинской красавицы с толстой косой, раскосыми глазами, четко очерченными губами и скулами. «Черкешенка», – подумала я. Красавица обнимала девочку, свою миниатюрную копию.

– Жена с дочкой, – сказал он, проследив за моим взглядом.

Я смутилась, почувствовав неловкость за свое так некстати проявленное любопытство.

Он вопросительно смотрел на меня, а я все никак не могла собраться с силами, чтобы ему рассказать.

– Боитесь? – сочувствующе проговорил он, и показал рукой на кресло: мол, садитесь.

Оставшись стоять, я тихо сказала:

– Я ухожу.

Он как будто не удивился. Задумчиво подвигал грязные чашки с остатками кофейной гущи на своем столе, и негромко спросил:

– Куда?

И я ему все рассказала. Про плачущую в коридоре девочку со шрамом и изможденную женщину в лифте, про мою знакомую и ее грудь, про то, что в Израиле хорошая медицина, а я знаю язык и могу себе позволить сделать все необходимые манипуляции там.

Он слушал меня, не перебивая, только кивнул несколько раз.

Потом сказал, что понимает такое решение, и согласен с ним.

Я удивилась.

А он распахнул окно настежь, сел на подоконник, и, и, поерзав, достал из кармана пачку LM, закурил сигарету и кивком пригласил меня присесть рядом. Я села; он выбил из пачки одну сигарету и дал мне. Держа ее в руках, я рассеянно подумала, что не курила уже три года и даже не помню, как пахнет такой табак.

Юный доктор говорил. О том, как устал от бедности нашей медицины, от того, что нет самого необходимого, и что ему ночами снятся эти девочки с раскроенной грудью, у которых – ну какое может быть будущее, о чем вы?.. на них сами врачи ставят крест, и многие из этих девочек так и не становятся женщинами, да никем они не становятся, потому что разве ж это жизнь.

Он говорил с силой, и я знала, что он не врет.

Этот врач разделял мое решение, и подбадривал меня, а под конец сказал:

– Знаешь, я ведь тоже. Уезжаю в Израиль. В этом… году.

От неожиданности я поперхнулась ароматным дымом, который я вдыхала, а он – выдыхал. И, пока юный врач хлопал меня по спине, я пыталась прокашляться и понять, о чем идет речь. А он рассказывал, и с каждым словом его голос становился все сильнее, все уверенней.

Оказывается, его уже ждут в Ришоне[1], в клинике Ма ор, и ему осталось отработать всего девятнадцать дней. И он считает каждую оставшуюся до конца срока минуту, потому что знает: скоро начнется совсем другая жизнь.

Юный врач написал мне на синей врачебной бумажке название и адрес госпиталя, в который мне стоит обратиться. Он пообещал, что позвонит своему знакомому доктору, который работает там много лет. А на прощание похлопал меня по плечу, словно отец, и сказал: бэ ацлаха[2]!

И, выходя в серый коридор из его кабинета, я вдруг некстати подумала о том, что вся вот эта «жеребцовость», которую в нем замечают женщины, – это не его. Она просто передалось по наследству от каких-то предков, и не стоила ему никакого труда. А он, этот юный врач, совсем простой. Человек, который без памяти любит своих девочек, жену и дочь; который надеется, что «перегорит» вся любовь к нему у медсестер, санитарок и прочих неустроенных женщин его больницы. Быть может, он вообще почел бы за благо, если б ему при рождении дали менее броскую внешность…

Сжимая в кулаке бумажку, я вернулась в палату, тихо собрала свои вещи, и, проскользнув через медицинский пост с громко сопящей в крепком сне толстой медсестрой, спустилась вниз по лестнице до черного выхода. Я заметила еще днем, что он всегда открыт, – там курили все кому не лень. Толкнула в полной темноте дверь. Заперто. Черт. Черт, черт, черт!!!

Я дергала и дергала за дверь, и в нос мне бил крепкий морозный аромат, который просачивался сквозь дверные щели, и запах холодного железа. По щекам горохом катились слезы; я чувствовала, как прихватывает мокрую щеку к студеным стальным перемычкам дверной коробки.

В кромешной тьме я шарила руками по дверному полотну, пока наконец не нащупала благословенную задвижку. Потянув за нее, я распахнула дверь в ночную зимнюю стужу. Меня тут же обдало морозом. Благо, я не сдавала в гардероб свою куртку и ботинки, – и их, и даже шапку, я натянула здесь же, ежась от внезапно окатившего холода.

А потом побежала через парк, на парковку, где стояла моя сонная машинка. Нажала на кнопку брелока, и автомобиль приветливо подмигнул желтыми фарами. Я села, поежившись от холодного сиденья, и скомандовала сама себе: в аэропорт!

На выезде с парковки остановилась. Так. У меня нет с собой ни загранпаспорта, ни каких-либо вещей, а в куртке и ботинках я буду смотреться в жарком Тель-Авиве как минимум нелепо. Подумала еще немного, барабаня пальцами по холодной поверхности руля, потом, взревев мотором и моргнув сквозь снежную тьму желтыми фарами, повернула в сторону дома.

Метель стучала в мое окно, и своими завываниями она будто уговаривала меня – останься! Ничего не получится! На что ты надеешься вообще?

Я не знала, что ей ответить, поэтому просто оставила ее реплики без внимания. Подъехала к дому, заглушила мотор машины. Открыла тяжелую подъездную дверь и захлопнула ее за собой, надежно отсекая кликушенские метельные крики. В подъезде было темно и зябко, и я сунула руки поглубже в карманы куртки. Поднялась по скрипучим ступеням наверх.

В квартире я даже не зажигала свет. Хотя был такой соблазн, но я знала, – стоит мне только его включить, как я начну передвигать какие-нибудь предметы с места на место, менять порядок кухонной утвари и до потери пульса трогать ручки у шкафов. Стоит только начать, и я уже не смогу уехать: меня захватят привычные действия, которыми я раньше спасалась от ужаса перед действительностью. Какое-то время я даже не могла покинуть стены дома, не потрогав по часовой стрелке несколько раз подряд все дверцы кухонных шкафов. Мне казалось, что стоит только наполнить свою жизнь ритуалами, и тогда будет не так страшно.

---

[1] Ришон-ле-Цион – город, расположенный в центральной части Израиля.

[2] «Бэ ацлаха» в переводе с иврита означает «удачи».

Впотьмах нашарив коробку с документами, выуживаю из нее свой заграничный паспорт, – он подмигивает мне в лунном свете своей золотистой надписью, – и иду назад, в темноту.

А. Мне же еще одежда нужна какая-нибудь, и другие необходимые вещи.

Секунду помявшись на пороге, я разворачиваюсь и захожу в ванную, где, подсвечивая себе телефоном, бросаю в косметичку несколько упаковок контактных линз и пару банок с кремами. Потом таким же образом, с телефоном в одной руке, выуживаю из платяного шкафа небольшой рюкзак, сую в него, скомкав второпях, несколько футболок, белье, цветастую юбку, которая по моей забывчивости не перекочевала в сумку с убранными на хранение в гараж летними вещами. В коридоре бросаю туда же босоножки на деревянной подошве, расческу, айпад и зарядник, сама переобуваюсь в кеды, повязываю вместо шарфа первую попавшуюся косынку. Потом захлопываю дверь и спускаюсь бегом по лестнице, не оглядываясь, – будто боюсь, что кто-то станет меня догонять.

Выскочив из подъезда, я прижимаюсь спиной к замерзшей металлической двери. Перед лицом летит снег, диагонально, пересекая под прямым углом свет от маленького фонаря над подъездом.

Куда я еду? Ну куда? И зачем?..

Чешется нога. Я почесываю бедро, исколотое медсестрой, и натыкаюсь пальцем на что-то тонкое и твердое, лежащее в переднем кармане джинсов. Достаю. Это тот самый синий листочек, на котором написан заветный адрес – Ришон-ле-Цион[3], город, название которого переводится как «Первый храм»; клиника Ма Ор, доктор Гринбаум.

Интересно, он тоже юный, как тот больничный врач, будущий эмигрант?..

Хорошо. Значит, хотя бы на один вопрос из мучавшей меня партии я знаю точный ответ.

Я знаю, куда еду.

Почувствовав, что у меня мерзнет нос, причем уже довольно продолжительное время, я наконец отлипаю от металлической двери и иду к машине. Та снова приветливо моргает мне желтыми огоньками своих круглых японских глаз. Пристегиваемся, устраиваемся поудобнее, включаем в аудиосистеме Brazzaville[4]. Нет, не то. Пусть будет Jingle Bells[5].

И под эту старую рождественскую мелодию сквозь метель я еду в сторону аэропорта.

Лес по обеим сторонам трассы нежно обнимает меня своими еловыми лапами, и будто покачивает на коленях; моя маленькая машина летит, словно комета, в кромешной тьме, а из динамиков несутся звуки вечного гимна победы дня над сумраком.

Дорога в аэропорт заняла у меня менее часа. Проходя досмотр в аэропорту, ежилась, – так сыро и холодно здесь было.

Поднялась на второй этаж, взяла стакан горячего кофе, достала из рюкзака айпад со смотанными в клубочек наушниками. Пока я их разматывала, – маленький белый планшет, которого я, кстати, зову «Пудель», прилежно искал сеть. Нужно найти возможность поскорее (и подешевле!) добраться до бедной богатой страны под названием Израиль. От страны, от которой в очередной раз зависит все мое будущее.

Было три часа ночи, тот самый Час быка, когда сон самый трепетный, и видения приходят страшные и пугающие. К счастью, я сейчас не спала, а двигалась, причем, надеюсь, что в правильном направлении.

Включив «Радио семь на семи холмах», где как раз транслировалась какая-то ночная программа из серии «Для тех, кто сейчас не спит», я стала искать пути, которыми можно выбраться в Израиль из этого морозного ужаса прямо сейчас.

---

[3] Ришон-ле-Цион – город, расположенный в центральной части Израиля.

[4] Американская инди-группа, записавшая кавер на песню Олега Кваши «Зеленоглазое такси».

[5] Рождественская песня, также известная, как «One Horse Open Sleigh»

Так. Из моего города я могу полететь в два места: в Москву и Уфу. В первом случае – билеты дешевле, вылеты чаще, во втором – ну… город красивый. Нет, это не причина. Останавливаемся на Москве. Есть пять рейсов со стыковкой в Москве на сегодняшнее утро, два из них – вполне бюджетные, восемь – девять тысяч рублей. Отлично, беру ближайший. Там как раз стыковка двухчасовая, мало шансов опоздать на вылет.

Покупаю билет через интернет, здесь же регистрируюсь на рейс. Потом беру себе еще один кофе. В уставший, лишенный сна уже вторые сутки мозг вкрадывается мысль о том, что хорошо бы предупредить коллег. А лучше сразу начальство. В общем-то я уже говорила, что беру больничный, но они не особо привыкли к моему отсутствию в офисе и, видимо, считают, что уже завтра я буду стоять как штык на страже интересов компании.

Пишу СМС-сообщение шефу, где длинно и витиевато объясняю, что со мной произошло и почему мне нужно лететь именно туда и именно сейчас. Дописав, долго смотрю на это пространное письмо, и вдруг понимаю: он даже не будет его читать. Просто позвонит завтра, чтобы, как он говорит, «уточнить кое-какие вопросы». Поэтому я пишу ему просто – «Доброе утро. Я не смогу выйти на работу. Завтра и в ближайшее время».

Кладу телефон в карман джинсов, забираюсь с ногами на кресло и включаю радио в наушниках погромче. До начала посадки остается час.

Еще через полчаса я вдруг слышу какой-то звук. Он настойчиво пробивается сквозь волны мелодий, которыми кормит меня «Радио семь». Открываю глаза. Рядом стоит уборщица, и что-то раздраженно мне говорит. Снимаю один наушник, и в освободившееся ухо сразу врывается: «… же это такое! Придут, натопчут, а потом давай ногами своими кресла загаживать! Вот дома ты у себя так же себя ведешь?!».

Вздыхаю. Опускаю ноги на пол. Вставляю обратно наушник, и отворачиваюсь от нее. Некоторое время продолжаю фоном слушать звуки ее тонкого, с ехидцей, какого-то надломленного голоса, а потом он прекращает меня беспокоить.

Телефон неслышно вибрирует. Будильник. Пора вставать, карета подана, мадам.

На стойке регистрации еще никого нет, только несколько пассажиров переговариваются через ряд кресел. Я встаю около стойки, и в одну секунду передо мной возникает стюардесса.

– Ваши билеты, – профессионально улыбаясь, говорит она.

Ее улыбка существует отдельно от нее, как у Чеширского кота.

Протягиваю ей телефон с номерами билета.

Изучает списки.

– Извините, но вам не сюда. Вам в зал международных рейсов, – и подаренная мне улыбка, наклеенная на ее лицо, перемещается к следующему пассажиру.

Черт. Черт! Черт!! Черт!!!

Я совсем забыла, что у меня трансфер перед заграницей, и, значит, мне нужно проходить досмотр в другой зоне. Бегу туда, на полпути вспоминаю, что оставила свой рюкзак в зале. Возвращаюсь за ним, хватаю за лямку, и мы снова бежим.

Вроде бы успели. Сотрудница авиакомпании не выказывает недовольства моим опозданием. Я быстро прохожу проверку, досмотр и все остальные процедуры, и вскоре встаю в хвост проходящих на борт.

У меня место около прохода: не люблю летать, а смотреть в окно во время полета – тем более. Но оно почему-то занято. На всех трех креслах сидят разновозрастные дети, рядом с самым маленьким из которых я краем глаза улавливаю какое-то шевеление. Ага, это мама, просто она нагнулась к полу и роется в стоящей на нем сумке. Подхожу и внятно говорю:

– Извините, но мое место – 18С.

Она поднимает голову, и я вижу, что это моя ровесница или чуть старше. Смущенно улыбается.

– Простите… вы не согласитесь поменяться со мной? Нам с детьми дали места по разным сторонам прохода, и я боюсь, что без меня они доставят некоторые неудобства.

Тут мы с ней в унисон хихикаем: она – смущенно, потому что видно, как неловко ей меня просить об этом одолжении, а я – понимающе, ибо вполне могу себе представить те неудобства, которые могут случиться от присутствия маленьких детей без наличия контролирующего их взрослого. Сажусь на ее место (оно – возле окна. Ну ничего, наберем высоту, – закрою шторку). Включаю музыку на телефоне, пристегиваюсь потуже и откидываюсь на кресло.

Телефон начинает вибрировать. Странно, кому я могла понадобиться в столь ранний час? Это шеф. Ого. И что же он пишет?

«Ты нужна завтра в 10 на встрече», – то есть через четыре часа уже? Или в следующие сутки в 10? Непонятно как-то. А, впрочем, какая разница. Я ведь все равно не смогу быть там ни сегодня, ни завтра.

Пишу ему: «Меня не будет».

Тут же приходит ответ: «Хорошо. Вернешься – поговорим».

Я некоторое время раздумываю.

Неизвестно еще, когда я вернусь.

И в каком виде.

И вернусь ли вообще.

Что я могу ему гарантировать?

Да ничего.

И, собравшись с силами, я пишу ему: «Я увольняюсь с сегодняшнего дня». Потом отключаю телефон от сети, закрываю глаза и сразу же падаю в легкий, спокойный сон, который уходит только тогда, когда самолет нежно трогает своими колесами взлетную полосу одного из бесчисленных московских аэропортов.

Мы выходим с моим другом рюкзаком, который я не сдала в багаж, и потому таскаю за собой в виде ручной клади, и идем регистрироваться на следующий рейс. Вся процедура проходит быстро, и остается время на то, чтобы выпить кофе в моей любимой «Шоколаднице». Там я сижу около сорока минут, потягивая горячий кофе с привкусом корицы и молотых сушеных яблок, и лениво, одним глазом, почитываю газету. Ее развернул мой нечаянный сосед по столику, старикан, которому, судя по виду, – лет двести или около того.

Чувствую, как глаза заволакивает той самой сонной пеленой, которая бывает, если долго не спишь. Пожалуй, включу-ка я плеер.

Ставлю рандомное воспроизведение, выпадает старая бардовская песня. Закрываю глаза, и голосом у себя в голове начинаю подпевать старенькому Визбору

Понимаешь, это странно, очень странно; но такой уж я законченный чудак.
Я мотаюсь за туманом, за туманом, и с собою мне не справиться никак.
Пусть полным-полно набито мне в дорогу чемоданов,
Память, грусть, невозвращенные долги, – а я еду, а я еду, за туманом.
За мечтами, и за запахом тайги…

Через сорок минут я уже сижу в простецком кресле самолета одной из самых бюджетных российских авиакомпаний, которая вскоре доставит меня на пышущую жаром израильскую землю. Я выглядываю в окно. Скоро эти грязные сугробы пропадут из моего поля зрения…

…а, возможно, я вообще их больше никогда не увижу…

Никогда.

Какое страшное слово, – никогда. Вроде и не любишь что-то, – например, как я сугробы, – а как только сообразишь, что в скором времени они могут навсегда исчезнуть из жизни, – хочется отвернуться, отойти подальше от таких мыслей.

Кстати.

Я ведь еще не думала о том, что будет, если «не».

…если врач откажется мне помочь.

…если меня не станут лечить в израильских клиниках.

…если они попробуют, но операция пройдет «не так», неблагоприятно для меня.

…если окажется, что мне уже ничем помочь нельзя.

…если я не справлюсь и соскочу в последний момент. Например, убегу из клиники в ночь, прихватив свой извечный рюкзачок.

Так что будет-то?

Да ничего не будет. Жизнь не знает сослагательного наклонения, так зачем мне заранее думать о том, что будет, если.

В этих мыслях я провожу время до взлета. Потом выпиваю чашку предложенного чая (мерзкий, как и все горячие напитки в самолете. Но немного менее мерзкий, чем растворимый кофе из пакетика. Сколько жила в Израиле, так и не научилась его пить.)

Да… я жила в Израиле.

Два года.

Так что, можно сказать, я возвращаюсь на свою временную родину.

Почему родину?

Сейчас расскажу.

Дело в том, что к этой стране у меня было очень двойственное отношение на протяжении всей сознательной жизни. Она мне нравилась, хотя я ни разу в ней не бывала; так нравятся заграничные актрисы, зарубежные модели, фотографии которых печатают на обложках и разворотах глянцевые журналы. Их снимают так, что кажется, будто они – ваши старые друзья, хотя вы знакомы только односторонне, и вы знать не знаете, что там скрывается под яркой картинкой, каких монстров и чудовищ прячет в себе это миловидное курносое лицо.

Человек на фото с обложки, меж тем, не знает о вас вообще ничего. Даже того, что вы существуете.

Вот так и у нас с Израилем. Он обо мне даже не подозревал, а я, меж тем, безудержно мечтала с ним воссоединиться. Как в старом анекдоте, – хоть чучелом, хоть тушкой. Я читала книги об этой стране с самого детства, знала счет до десяти, названия фруктов и улиц в тель-авивском квартале, который тянется вдоль набережной, и точно понимала, какие города я хочу посетить: конечно, Яффо. Потом Иерусалим. Цфат, в котором одна старушка ежедневно ждала появления мессии. Жаркий Эйлат на границе с Египтом.

Дальше мои планы не простирались, – мне казалось, что эта бедная богатая страна ограничивается пределами этих городов. Кто же знал, что их там сотни, тысячи.

Когда задаешь Вселенной конкретные вопросы, – она дает точные и понятные ответы. Я захотела, так сказать, познакомиться поближе, и Вселенная подбросила мне возможность посетить страну бесплатно. Потом – предложила уехать туда на шесть месяцев для участия в обучающей программе по дизайну (то, что я и дизайн, – две разные сферы, меня особо не волновало. Отсутствие знаний, опыта и желания им заниматься, – тоже). Дальше мне дали гражданство и подтверждающий его теудат зеут[6], ну а затем я сделала ход конем и вернулась назад, в ледяную Россию, которую, кажется, так и не смогла полюбить за все свои двадцать семь лет.

Мы пролетали над покрытыми облаками вершинами, и, лениво следя за тем, как самолетное крыло разрезает белые полотна облаков, я думала о том, каково это, – умирать.

Не то что бы я это планировала; просто меня занимала мысль – понимаешь ли ты, что происходит, когда умираешь? О чем думаешь в последние моменты? Есть ли тот самый свет в конце туннеля? О чем сожалеешь, и что страшит?

---

[6] Гражданский паспорт.

Я не знаю ответов на эти вопросы, да мне и не хочется пока их узнавать. Пусть все идет как идет.

Но мне бы хотелось сделать кое-что до того момента, когда меня не станет.

Например, вот это:

– Объездить весь мир;

– Встретить мужчину, с которым мы будем любить друг друга;

– Родить ребенка, а лучше двух (тут я поморщилась, потому что даже сквозь наушники до меня долетала детский визг, издаваемый годовалым карапузом, мама которого сидела в кресле прямо за моей спиной);

– Попробовать настоящий кокос;

– Погладить живую ламу;

– Быть хозяйкой дружелюбного пса;

– Научиться печь хлеб;

– Открыть свою кондитерскую;

– Поставить голос и записать песню;

– Сходить на футбол, и чтобы кто-нибудь объяснял правила;

– Прокатиться на гигантской черепахе;

– Проехать через Индию на стареньком мотоцикле;

– Написать картину маслом;

– Выучить итальянский язык;

– Купить жилье в Европе и пожить там;

– Провести год на берегу моря…

И на этом, устав перечислять список мечт, я уснула.

Глава III. Привет, обетованная

Стюардесса разбудила меня перед посадкой и проверила, крепко ли пристегнут ремень. Но окончательно я проснулась только в тот момент, когда самолет опустил шасси на полосу аэропорта Бен-Гурион. Нас сильно тряхнуло, и от неожиданности я ударилась о спинку стоящего впереди кресла. Тут же хлынула носом кровь, и сидящая рядом со мной старушка заверещала на английском, подзывая стюардессу. Старушенция перекрывала своим криком даже многорукое хлопанье, которым пассажиры благодарили пилота за хороший полет и мягкую посадку.

Стюардесса, изящная татарка Айнур, принесла мне упаковку носовых платков и удалилась, грациозно качая бедрами, а старушка принялась гладить меня по плечу и что-то тихонько приговаривать, видимо, чтобы я не волновалась. Все пройдет, все пройдет…

Этими словами и Соломон успокаивал своих бесчисленных жен. Я, хоть и не царь, тоже часто говорила их себе, чтобы остановить поток бурных переживаний.

Но сейчас меня беспокоил совсем другой поток; салфетки быстро пропитывались кровью, и она явно не собиралась останавливаться на достигнутом. Поэтому я сидела в кресле, глотая откуда-то взявшиеся слезы, и покорно ждала, когда все это закончится. Пассажиры выходили, выходили, и все как один с тревогой поглядывали на меня, обложившуюся кучей окровавленных платков.

Мне это в конце концов надоело, и я свернула из двух оставшихся салфеток некое подобие тампонов, и забила ими ноздри, словно пробками. На какое-то время должно хватить, – решила я, и отправилась к выходу, волоча за собой рюкзак. На выходе меня догнала стюардесса. «Мисс!», – сказала она, – «Вы забыли кое-что!». И протянула мне телефон и айпад, оставленные мной в кармане на спинке. Я гундосо поблагодарила ее, стараясь, чтобы, несмотря на тампоны в носу, она могла разобрать мою речь, и начала спускаться по трапу.

Израиль был горячим, асфальт практически плавился, хотя на уровне лица попадались и довольно прохладные воздушные струи. Все в точности так, как я помнила. Желтые плиты, зеленые пальмы, любопытные лица пограничников…

Меня пропустили к выходу без очереди, наверное, сказался плачевный внешний вид. Проходя мимо зеркал, я ахнула: вся футболка была заляпана быстро засыхающими бордовыми пятнами, и выглядела я словно жертва войны, а не как пассажир авиарейса, прибывший с личным визитом в развитую страну.

Пограничник долго расспрашивал, что со мной случилось. Я отвечала ему вяло и невпопад, пыталась шутить, но на моем состоянии явно сказывался недосып, и потому в конце концов он от меня устал, поняв, что я и правда та, за кого себя выдаю, – русская туристка, а не головорез из группы Хезболла[7].

Вышла из терминала аэропорта, покрутила головой, высматривая остановку автобуса. Ее нигде не было видно. Тогда я обратилась к уборщице, по счастью, та говорила по-русски, и мне не пришлось выдавливать из себя сложнопроизносимые с забитым носом слова на иврите.

Остановка была в получасе ходьбы; чтобы идти было веселее, я взяла на дорожку стакан айс кафе. Знаете, что это? Кофе с большим количеством молока и какао, смешанный с раскрошенным льдом. Попивая через соломинку сладкую ледяную жидкость, я направилась в сторону выхода из аэропорта. Потом, встретив несколько недоуменных взглядов, решила, что все-таки не лишним будет переодеться, и заглянула в туалет, где выбросила в мусор перепачканные джинсы и футболку, и надела первую попавшуюся под руку одежду из рюкзака, – это были цветастая юбка и простая белая майка.

---

[7] Военизированная ливанская организация, признанная Израилем как террористическая.

Смотрелось неплохо.

Повесила на плечо рюкзак, взяла оставленный на стойке раковины и дожидавшийся меня айс кафе, и продолжила путь.

Автобус подошел быстро, и мы – я и пожилая семейная пара – загрузились в его полупустое брюхо. Мне нужно было добраться до тахана мерказит, главной автобусной станции Тель-Авива, а им – до госпиталя Ихилов. Я лениво рассматривала дорогу и механически отмечала: вот этот дом я помню, вот ворота, на которых было написано краской неприличное слово на иврите, а вот китайское (или вьетнамское?) гетто, где окна выходят на пандус, по которому транспорт заезжает на станцию.

Мы приехали, и автобус выплюнул меня в мрачный мир верхних этажей автостанции. Здесь не горела добрая половина ламп, было довольно темно и страшно, поэтому я, не задерживаясь, подошла к лифту и отправилась вместе с ним вниз. Там было уже гораздо веселее, но я сразу покинула станцию и вышла наружу.

Вокруг пестрело множество вывесок магазинов, марокканских парикмахерских, ногтевых студий, в которых работали трансвеститы. Я встряхнула головой; волосы торчали в разные стороны, и мне вдруг взбрела в голову дикая мысль. А что, если… нет, нет, это не для меня… нет, все-таки, – а что, если мне прямо сейчас пойти в салон заплести афрокосичек?

Я как-то уже делала такую прическу, и носила африканские косы на протяжении пары месяцев или около того. Они мне тогда жутко нравились, и я была себе, насколько помню, ужасно симпатична. Почему бы не повторить этот опыт сейчас?

«Потому что ты, может быть, умрешь на днях», – вдруг раздался где-то внутри меня противный скрежещущий голос.

Я ему возразила: «Ну и что?»

Он не нашелся, что ответить, и с чувством, с которым победитель заходит в захваченный им город, я направилась в сторону ближайшей марокканской парикмахерской. Там не говорили ни на английском, ни тем более на русском, на иврите – ну… с грехом пополам. Зато понимали язык жестов и наглядность, поэтому я покопалась в кипе журналов на столике и выудила тот, на котором была нарисована девочка в заплетенных косичках. Ткнула на картинку пальцем. Хозяйка салона, худая марокканская женщина в возрасте, обрадованно закивала, что-то крикнула, и мигом ее салон наполнился девочками разного возраста, которые, усадив меня на пол, расселись вокруг и стали заплетать мне на голове множество тонких косичек. Ими руководила древняя старуха, которая подавала разноцветные нитки, которые они вплетали мне в волосы. Так косы получались не просто густыми, но и яркими, словно радуга. Еще они вплетали искусственные волосы, и через пару часов на моей голове красовалась объемная грива мелких, ювелирно заплетенных кос. Хозяйка парикмахерской, принимая от меня сто долларов, кланялась и благодарила меня на своем языке, а ее девочки потом долго махали мне вслед.

Ну что, куда сейчас?

Может, поесть?

Нет, пока не хочется.

А вот одежды новой купить, – это да.

Глава IV. Сменим камуфляж

Я пошла куда глаза глядят, благо, в этом районе Тель-Авива можно было идти куда угодно, и все равно выйти к одной из ста тысяч миллионов лавок, где торгуют шмотьем. Современным и винтажным, китайским нонэйм и итальянскими брендами, – все, что вам захочется, на любой вкус и кошелек. Именно здесь штучные вещи соседствуют с теми, которые продаются по весу, и выброшенный в мусор сюртук или платье могут стоить от двух центов до тысячи евро.

Я шла, шла, шла и наконец нашла. Моей находкой стал растаманский[8] магазинчик, в котором продавали смешные шапки, шляпы, футболки с надписями «Peace», «Love», «Flower Revolution»[9]. Я купила себе мягкий вязаный берет традиционных боб-марлевских цветов – желтого, зеленого, красного, коричневого. И сразу же нацепила его поверх своих новых кос.

Теперь я чувствовала себя свободной музыкантшей, которая несет искренний и чистый дух регги в закостенелые народные массы. Для нового образа все еще не хватало нескольких деталей, и я шла, глазея на витрины в надежде, что что-то меня зацепит само.

Так и вышло.

Мне попались на глаза белые тряпочные кеды конверсы, пуловер-тельняшка и драные голубые джинсы, – такие, будто о них точили когти бешеные мартовские коты. По случаю, все это было выставлено в витрине одного и того же магазина. Я зашла туда и попросила вещи с манекена; очень быстро мне принесли их новехонькие копии, замотанные в полиэтиленовые пакеты. Здесь не было примерочной, – магазин-то не из брендовых, – и я примерила все здесь же, на лестнице, ведущей на второй этаж, пока мальчик-продавец вежливо отворачивался, делая вид, что совсем не разглядывает меня полуголую.

Мне, в общем, льстило его внимание.

На меня давно никто не смотрел.

Особенно на то, как я прыгаю в одних трусах, стараясь попасть ногой не в дыру на джинсах, а непосредственно в саму штанину.

Мне все подошло, правда, тельняшка была на пару размеров больше, – но это даже к лучшему, мне всегда нравились объемные вещи, которые свисают по фигуре свободными волнами и делают вид, будто ты гораздо стройнее, чем есть на самом деле. Я всегда чувствую себя в такой одежде невесомой, хрупкой до прозрачности.

Юбку и футболку, которые были на мне до совершения покупок, я сунула в рюкзак. Прямо так, не переодеваясь, расплатилась и вышла из магазина, чувствуя себя как актриса, «примеряющая» новое амплуа. Правда, в отличие от тех, кто играет роль, – мой новый наряд был настолько по мне, что его будто скроили исключительно с одной целью, – чтобы превратить меня в совершенно нового, более счастливого, человека.

Я шла и разглядывала витрины. Проголодавшись, купила у лоточника посыпанный маком бублик-бейгель (такой, как был в детстве, один в один, даже место «стыка», где смыкалось колечко из теста, было таким же неаккуратным, как в булочных четверть века назад).

Бублик этот здесь надрезали вдоль, внутрь клали выбранную клиентом начинку (у меня были сыр, яйцо, зелень и чеснок), и поджаривали в панинице, плотно прижимая «створки» булки друг к другу, чтобы не вытекала начинка. Это было вкусно, очень вкусно, и я облизывала пальцы, урча от наслаждения, а лоточник, старик с раскидистыми, как оленьи рога, усами, ласково смеялся надо мной и протягивал все новые и новые салфетки.

---

[8] Растаманы – последователи растафарианской концепции, используют для идентификации комбинацию цветов «зелёный-жёлтый-красный». Часто носят дреды, слушают музыку регги.

[9] «Peace», «Love», «Flower Revolution» – лозунги хиппи.

Я оставила ему монетку чаевых, и он еще долго махал мне вслед и кричал что-то на марокканском, – судя по эмоциям, нечто невероятно одобрительное и ободряющее.

В общем-то, я не очень понимала, куда идти теперь.

По идее, нужно было в больницу, и я даже примерно представляла себе, где она находится. Но, с другой стороны, мне очень хотелось почувствовать отпускную беспечность, хотя бы на день прикинуться туристом, у которого нет никаких проблем, кроме – чем ему заняться так, чтобы было повеселее.

Поэтому я решила для начала немного погулять и освоиться.

Глава V. День и ночь

Я шла по Тель-Авиву в сторону района Дизенгофф, где находился огромный торговый центр. Однажды я была там на какой-то ярмарке и бродила вдоль цветастых палаток фестиваля уличной кухни. Там предлагали фаст-фуд со всего мира: китайские яблоки в карамели, чешские трдло, капустные маффины, свинину с ананасами… Запах стоял просто сказочный. Но, увы, в тот период жизни я все время торопилась, чтобы не дать себе возможность чем-то себя порадовать, сделать нечто приятное. Мне тогда казалось, что я этого не заслуживаю. Все заслуживают, а я нет. Странно, правда?..

Вдруг из переулка на меня отчетливо пахнуло морем. Я тут же свернула, и прибавила шагу, почти неслышно ступая по каменной мостовой в новеньких белых тканевых кедах-конверсах. Очень скоро моему взору открылось оно, море. И тогда я побежала что есть силы, во весь опор, только бы не оттягивать момент встречи с ним.

Мы столкнулись на линии прибоя, я и море. Я ступила в волну, а она поднялось и лизнула меня выше щиколоток, и тут же, будто бы испугавшись, убежала назад.

А потом я ходила по прибрежной полосе, и слушала, как море рассказывает о том, как скучало по мне. Это для других размеренное «шшшшш, шшш» было просто шепотом морской волны; для меня же это был самый настоящий разговор по душам, который бывает у двух любящих друзей после долгой разлуки.

Изредка я останавливалась и подбирала с песка камешки. Сухие, они казались совершенно безжизненными; но, как только на них набегала волна, они мгновенно преображались, и становились яркими, искрящимися, словно упавшие на землю осколки фейерверков.

Тем временем на город опускались сумерки.

И мне пришло в голову, что пора искать ночлег.

У меня никого в этом городе не было. По крайней мере, таких людей, к которым я могла бы попроситься переночевать. Но, к счастью, как и другой крупный город, Тель-Авив не обделен хостелами, – найти недорогую ночлежку здесь не составляло труда.

Достав телефон и присев на песок, я погрузилась в поиски. Судя по карте, один из хостелов располагался всего в двадцати минутах ходьбы от меня, и я решила устроиться на ночлег в нем. Спустя положенное время я уже стучалась в расписную дверь мини-отельчика, явно предназначенного для художников: здесь все было в надписях, наклейках и разноцветных постерах.

Я стучалась долго, пока, наконец, мне не открыл дверь заспанный юноша в одном полотенце, намотанном вокруг голых бедер. Он явно не мог сразу сообразить, какое сейчас время суток, и, позевывая, вопросительно смотрел на меня.

На ломаном иврите я объяснила ему, что мне нужна комната на одну ночь. Он понимающе ухмыльнулся и сложил пальцы в подобие горна, поднес их ко рту и снова посмотрел на меня. Я пожала плечами. Кто его разберет, соню, что он пытается мне объяснить.

Не дождавшись от меня реакции на свою пантомиму, юноша, похоже, на что-то решился и махнул мне рукой, приглашая зайти. Я прошла в дверь и оказалась в царстве холостячества: повсюду грязные полотенца, на полу лежат женские трусики, на дверце шкафа висит апельсиновая кожура… Каково же было мое удивление, когда, присмотревшись, я поняла, что все эти вещи – искусно сделанная мистификация, а на самом деле комната очень чистая, нет ни пылинки, и запах в ней стоит легкий и свежий. Кому могло прийти в голову сделать показной бардак, – недоумевала я. Чем плох порядок, хотя бы минимальный?

Спросить мне было не у кого, и потому я просто шла за своим провожатым куда-то вглубь дома. Он отпер одну из крохотных дверец, и показал мне комнату, габаритами напоминающую

платяной шкаф, – нет-нет, не огромный гардероб и не шкаф-купе, а такой, знаете, крохотный шкафчик, в котором прячут свои нехитрые пожитки старые девы.

Впрочем, мне и не нужно было много пространства. Достаточно того, что там была койка.

Мой провожатый ушел, сжимая десять баксов в своей ладошке, насколько я могу судить, – потной и весьма неприятной наощупь. Я так и не успела поменять достаточно денег, но ничего. Завтра, все завтра. С этими мыслями я упала на кровать и, не раздеваясь, уснула.

Разбудил меня настойчивый стук в дверь. Плохо соображая со сна, я распахнула дверь в свою каморку и, моргая, уставилась на здоровенного негра, который был явно удивлен, увидев меня по другую сторону дверного косяка. Зевнув, я спросила его:

– Ма кара?[10]

Он нервно переступил с ноги на ногу и интимным шепотом спросил:

– Ат роца эээ… грасс[11]?

Я на секунду засомневалась. Травы мне никогда не хотелось, но, кажется, это лучший момент, чтобы попробовать новое и неизвестное, – «за полшага от смерти». Впрочем, зачем мне это? Я покачала головой, и захлопнула перед негром дверь.

Он еще какое-то время ко мне скребся. Не знаю, чего он хотел мне предложить, – надувную женщину? Безалкогольного пива? Какой-то иной симулятор действительности? Как бы то ни было, мне сейчас ничто не было нужно. И никто не был нужен.

Я легла назад на свою узкую и жесткую койку, накрылась простыней, похожей на ту, что выдают в поезде, и приготовилась ко сну.

Морфей ко мне отчего-то больше не шел.

Поворочавшись с полчаса, я решила прогуляться. Пригладила торчащие дыбом косички, надела кеды, и отправилась обратно в город.

Часа два я бездумно бродила по улицам, не имея в голове ни единой мысли. Я просто шла, шла, как автомат, запрограммированный на то, чтобы идти, перемещаться в пространстве с постоянной скоростью.

Из медитативного движения меня вывел звук. Сквозь ветхие ворота какой-то подворотни проникали отчетливые гитарные аккорды. Играли что-то известное, вроде «Scorpions»; музыке подпевал приятный мужской голос. Я сделала пару шагов навстречу звукам и оказалась перед обитой деревянными дощечками дверью. Помедлив с минуту, я толкнула ее, и очутилась в насквозь прокуренном зале бара, в котором какой-то бородач играл «Still Loving You».

Здесь было душновато, но уютно: музыка, запах ментоловых сигарет и сухое вино из большой бочки. Я пошарила в кармане, – по счастью, кредитка была со мной, – и, все еще сомневаясь, направилась к барной стойке. Мне налили вина в высокий стакан, и я сразу приложилась к холодному стеклу горячей щекой. Стало приятно и прохладно.

Пробуя легкое молодое вино гранатово-красного цвета, я исподтишка осматривалась и разглядывала публику. В основном это была молодежь, но попадались и обильно удобренные сединой мужчины, судя по стилю одежды, – явные байкеры. К тому же рядом со многими из них стояли не только пивные кружки, но и мотоциклетные шлемы. Было несколько вульгарно раскрашенных женщин разных возрастов, – мне почему-то подумалось, что это проститутки, – и стайка школьниц, непонятно как попавших на это мероприятие.

Меж тем, исполнитель хорошо пел и неплохо справлялся с гитарой. Позже я узнала из интернета, что это был какой-то известный певец, который посетил Израиль с гастролями. В этом баре он играл случайно, просто потому, что шел мимо и услышал, как кто-то играет его песню. Он назвал себя, попросил местного музыканта уступить место на сцене и сыграл несколько своих произведений. А потом и чужие стал играть; вошел во вкус, и задержался

[10] Что случилось (с иврита).

[11] Хотите травы? (с иврита).

на сцене на несколько часов. Так израильские барные завсегдатаи вдруг оказались на концерте-квартирнике у человека, который вообще-то собирает целые стадионы.

Я выпила один бокал, потом второй. В какой-то момент ко мне подсел тот самый певец, и стал пытаться говорить со мной на английском. Но я мрачнела с каждым глотком и усиленно делала вид, что не понимаю ни слова и вообще его с трудом замечаю, так что он довольно быстро нашел себе другую компанию. Мне было немного жаль, что он ушел; со мной очень давно никто не разговаривал в баре так, запросто, но сейчас у меня совершенно не было сил на досужую болтовню.

Поэтому я выпила еще один стакан и, плохо ориентируясь в пространстве, направилась в сторону хостела. Я пропустила свой поворот и заблудилась. Бродила с полчаса, пока вдруг краем глаза не заметила на другой стороне улицы знакомую вывеску.

Захлопнув за собой дверь номера, я сразу же, не раздеваясь, упала на кровать, и тут же провалилась в сон.

Глава VI. Снова больница

Всю ночь хостел жил какой-то своей жизнью: хлопали двери, разговаривали люди, кто-то смеялся, кричал, плакал на десятке языков, и потому я спала очень чутко, прислушиваясь к каждому шороху. Несколько раз под дверь проникал сильный, едкий запах анаши, и я в полудреме раскрывала пошире окно, чтобы не надышаться. Наконец наступило утро; тель-авивский дурдом под названием «жуткая ночлежка на одну ночь» угомонился и, кажется, лег спать. Кое-как пригладив косы, которым хотелось стоять дыбом вертикально вверх, я натянула тельняшку с джинсами и пошла в сторону выхода, с любопытством разглядывая двери, за которыми спали сладким сном другие обитатели хостела. Одна из них была приоткрыта, и, не сумев совладать с любопытством, я заглянула в полумрак, таившийся за створкой. Там была кровать с грудой спутанных одеял, на которой в обнимку спали двое голых мужчин. Я вздрогнула и зашагала прочь.

У меня всегда была фобия по поводу гомосексуализма. Но я боялась не самих геев, нет; я опасалась, что влюблюсь в человека, который в какой-то момент решит, что он – гомосексуалист. И вот как я буду сражаться за его внимание с человеком другого пола?! В то время я была уверена, что за внимание нужно воевать, бороться, заслуживать его, как медаль или орден. Мне не приходило в голову, что оно или есть, или его нет совсем. Либо ты нужен, либо – нет, насильно стать важным, необходимым, желанным – дело такое же невозможное, как отрастить себе вторую голову или третью ногу.

В общем-то в последнее время моя фобия перестала быть такой острой, и теперь я уже не боюсь потерять парня, потому что его уведет гей.

Да и парня у меня нет.

Мне вообще в последнее время казалось, что я окончу свои дни старой девой в окружении бесчисленного множества собак, которыми буду сублимировать мужей, детей и друзей. Но, если посещение клиники будет неудачным… «The end» может случиться довольно скоро.

«Нет, я не буду об этом думать», – пообещала я себе, проходя мимо вчерашнего портье, который спал, задрав ноги с рельефными мышцами на свою стойку. На нем снова было только обернутое вокруг бедер полотенце; в одном месте оно задралось, и я деликатно отвела глаза. Может, это у него униформа такая?..

Хлопнула дверь, и из полутемного лобби хостела я попала на полную раннего утреннего света улицу. Отличный день, чтобы узнать чуть больше о своем будущем, – решила я, и двинулась в клинику. Внешне я была полна решимости, но, если покопаться и посмотреть немного глубже, – я была готова бросить все и бежать, бежать в другую сторону, закапывать в песок голову, как страус, чтобы только не видеть, не знать…

Сверилась с навигатором. Решила идти пешком: остановка находилась далеко, и путь на автобусе занял бы ненамного меньше времени.

Начинался новый день, над городом поднималось солнце, сухо шелестели пальмы, ветер с моря гладил меня по лицу своими солеными руками и что-то нежно нашептывал на ухо. Я слушала, но не могла различить ни слова. Что ты хочешь мне сказать? Ну что?..

Погрузившись в себя, я шла, не сводя взгляда с линии горизонта. Из этого состояние меня вывел неприятный звук: скрежетание шин, экстренно тормозящих на большой скорости. Я вышла из своего ступора и заметила бампер, остановившийся сантиметрах в двадцати от моих бедер. Из окна высовывался замотанный в платок мужчина и, потрясая кулаком, что-то злобно мне кричал. Судя по шашечкам и цвету машины, – это был таксист, и, кажется, я основательно подпортила ему день.

Ничего себе, я так задумалась, что чуть не стала жертвой аварии, – такой, о которых не пишут в газетах, потому что писать нечего, если, конечно, пострадавшее лицо – не какая-нибудь знаменитость. Чего там писать-то? Шла, шла и пришла?..

Пожав плечами и стараясь не смотреть в сторону таксиста, я засеменила дальше через дорогу, но на этот раз старалась замечать, что происходит на обеих ее полосах и не угрожает ли какое-нибудь транспортное средство ускорить мою встречу с врачами. До конца проезжей части я добралась без происшествий, а потом снова впала в тот самый странный и непонятный ступор, от которого очнулась только перед входом в Ма Ор, клинику, которую рекомендовал мне юный доктор из российской больницы.

В холле я взяла номерок, – там была цифра пять, хорошая, я ее очень люблю за то, что у нее круглый бочок и весело прищуренная бровь. Очень скоро подошла моя очередь; я подошла к ресепшн и попросила записать меня к доктору Гринбауму. Меня записали без проблем на платный прием на сегодня же, всего через два часа, и заплатила за консультацию я совсем немного.

В ожидании приема я старалась скоротать время всеми известными мне способами:

Перелистала все журналы, лежавшие на столике для посетителей;

Протестировала все сорта кофе в кофейном аппарате и выяснила, что при нажатии на любую кнопку из краника течет одна и та же безвкусная бурда, – правда, иногда с запахом какао, а иногда – с добавлением комковатого, жирного молока;

Сходила в кофейню в соседнем доме, съела обсыпанную сахаром бриошь и выпила нормального эспрессо, три порции, щедро сдобренные сливками из маленького кувшинчика, – это, по-моему, самый правильный рецепт кофе с молоком, не то что эти «капуччино» или «латте», где нет и намека на тот горьковатый привкус, который дают высушенные на солнце кофейные зерна.

Снова перелистала все журналы;

Поиграла с маленьким мальчиком, который бросал мне мяч;

Разложила пасьянс на телефоне;

Просмотрела почту и социальные сети, ответила на все комментарии;

Почитала новости, ужаснулась;

Перешла на развлекательный ресурс, и почитала, что там пишут компьютерные хакеры, на деле – школьники и студенты;

Снова поворошила стопку журналов…

Мимо все время проходили люди в белых халатах, и я старалась представить, кто из них может быть доктором Гринбаумом. Может, вот этот молодой еврей в кокетливой шапочке? Или средних лет мужчина, похожий на элегантного француза своей щеточкой узких черных усов? А может, хипповатого вида врач с копной длинных рыжих волос? Мои раздумья были прерваны пищанием электронного табло, которое возвестило, что час пробил и клиент Полин может отправляться на встречу с доктором.

Полин, то есть я, так и сделала, – направилась. Дверь в кабинет Гринбаума была приоткрыта, и я заглянула, предварительно постучавшись. Дурацкая совковая привычка!..

Я зашла, и обомлела. Предо мной был седовласый старец, похожий на волшебника Гендальфа из сказки про хоббитов. Ему только остроконечной шляпы не хватало, а так – полная копия сказочного персонажа.

А я-то готовилась ко встрече с ровесником юного врача, на худой конец, – с человеком чуть более старшего возраста, а не со стариком.

Я неверяще спросила:

– Доктор Гринбаум?..

Доктор поднял на меня глаза и кивнул. Затем спокойно предложил мне сесть. Он излучал такую уверенность в себе, что я немного успокоилась.

Путь до кресла занял у меня всего три шага. Присела на краешек, поставила рюкзак на пол и постаралась улыбнуться доктору так, чтобы излучать доброжелательность и уверенность в себе.

– Это насчет вас мне звонил русский коллега?

– Да, насчет меня.

Какой молодец мой юный врач. Он не только не забыл обо мне, но и нашел возможность предупредить Гринбаума.

– Хорошо. Я уже смотрел все ваши бумаги, доктор переслал мне их по электронной почте.

О, а вот это что-то новенькое. Я его об этом не просила, но хорошо, что он об этом подумал. У меня самой и мысли в голове не промелькнуло, что нужно взять с собой какие-то медицинские документы.

– Как вы себя чувствуете?

Вопрос врача застал меня врасплох.

– Ну… Как всегда. Нормально.

Он был терпелив.

– Я спрашиваю вас потому, что тот диагноз, который вам ставили в русской клинике, подразумевает некоторые изменения самочувствия. Вас точно ничего не беспокоит?

– Пожалуй, что нет.

Он подумал, сдвинув очки на краешек носа и постукивая по столу карандашиком.

– На мой взгляд, лучший вариант – достать эту штуку из вашей груди и посмотреть, что она собой представляет.

– Это… больно?

Он усмехнулся.

– Это не больно, это дорого. Стоить будет…

И он написал на бумажке какую-то сумму, и пододвинул ее ко мне, чтобы я могла прочитать написанное.

Сумма меня не ужаснула; что-то подобное я и предполагала. Поэтому согласно кивнула, и доктор развил бурную деятельность.

Он выдал мне несколько направлений на сдачу анализов, и даже сам сходил вместе со мной, потому что там не было русскоговорящего персонала. Потом Гринбаум познакомил меня с хирургом, который будет делать операцию, здоровенным мужчиной с крепкими и крупными, как лопаты, руками. На прощание врач дал мне свою визитку, где были написаны рабочий и мобильный номера телефонов, и сказал звонить, если что. Я не стала переспрашивать, о чем он, – ясно же, что надеется на мое здравомыслие и верит, что я не стану ему трезвонить по пустякам.

Гринбаум отпустил меня на два дня, наказав вернуться к одиннадцати утра, и быть готовой к проведению вмешательства. И особо отметил, что эти два дня мне нужно провести спокойно – не нервничать, не переживать и не волноваться. «Ешьте вкусную еду, не пейте много алкоголя, смотрите поменьше телевизор», – сказал он. И, подумав, добавил: «и побольше радуйтесь».

Я вышла из здания госпиталя с ощущением, что мне дали временную амнистию. Отсрочку в исполнении приговора. Словно разрешили прожить еще два дня до того, как моя жизнь в корне изменится. Даже если вмешательство покажет, что причин волноваться нет, – я почему-то знала, что и в этом случае моя жизнь станет совсем другой.

Никаких планов и дел у меня не было. И я решила пойти поесть, чтобы переменить поток мыслей и заодно решить, куда направлюсь дальше.

Мой выбор пал на крохотную итальянскую пиццерию, которая притаилась между зданием суда и прачечной. Там мне подали огромный ломоть кальцоне[12] – ароматного, полного начинки пирога с нежным и легким тестом. Вгрызаясь в пышущую жаром пироговую плоть, я вдруг поняла, что у меня в голове настойчиво появляются картинки с видами города, где я жила два года, – Беер-Шевы[13]. Не виды из рекламных проспектов, а вполне конкретные улицы и дома, с которыми у меня связаны какие-то воспоминания.

Я подумала, что было бы здорово увидеть тетьМаму. И соседей по дому. И, может, еще тех ребят, с которыми мы вместе учились на программе по графическому дизайну. Большинство из них, конечно, жизнь раскидала по разным городам и даже странам, так что наши шансы увидеться близки к нулю, – но помечтать стоит.

Еще я бы хотела поехать на иерусалимский базар, арабский шук, где я полюбила в первый раз в жизни не человека, а ковер. Домотканый марокканский ковер, полосатый, с чуть кривоватыми национальными узорами, – он мне даже снился ночами.

Собирая пальцем остатки кальцоне с тарелки, и облизывая крошки, я думала о том, что мне, в сущности, ничего не мешает этим заняться. Есть два дня, и есть два желания, два города; так чего еще искать?..

На этой мысли я остановилась, расплатилась, вышла из кафе и пошла пешком в сторону тахана мерказит[14], чтобы методом жеребьевки выбрать, в какой из городов я поеду первым. Хотелось уехать как можно быстрее.

Чтобы идти было веселее, я включила музыку, вставила в уши крошечные наушники и пошла навстречу солнцу. И городам, которых не видела много лет.

---

[12] Итальянский пирог, представляющий собой закрытую пиццу.

[13] Город на юге Израиля.

[14] Центральная автобусная станция.

Глава VII. Колодец клятвы

Ближайший автобус был в сторону Беер-Шевы. Я внутренне возликовала: очень хотелось вернуться в город, который я любила так же сильно, как и ненавидела.

Прямо сейчас я сижу на мягком кресле, гляжу в окно, и блестящий синий автобусе (такой глянцевый – будто с картинки в детской книжке сошел) везет меня в Б7.

Б7 – это Беер-Шева, город на перепутье древних дорог; «беер» означает колодец, а «шева» – клятва. Еще «шева» часто переводится как «семь», поэтому многие русскоговорящие часто сокращают название города до одной буквы и цифры.

За стеклом проносятся печальные поникшие пальмы, бедуины куда-то ведут своих коз. За моей спиной школьники играют в какую-то шумную игру и ржут на весь салон. А на соседнем кресле спит совсем юный солдатик, который опустил голову на грудь, точно сонная птица, и легонько похрапывает, зажав между коленями свой автомат. Из подвернутого рукава форменной рубашки цвета хаки у него торчит проездной билет. Подошедший к нам контролер, нагнувшись и стараясь его не разбудить, тихонько достает его и пробивает аккуратные дырочки.

Я еду, покачиваясь в прохладном автобусном нутре, и все думаю о том, почему не сделала этого раньше. Почему я не собралась с силами, и не приехала сюда, в эту родную для меня страну, в этот город, где было столько всего хорошего и плохого.

Вспоминаю свой переезд в Израиль. Я совсем к нему не готовилась, все получилось с бухты-барахты, – впрочем, именно так и складывается вся моя жизнь. До этого я была в стране только однажды, причем в тот приезд до Беер-Шевы я не добралась: в этот небольшой городок посреди пустыни туристов не возили.

В течение нескольких дней до отъезда в новую страну я не могла сомкнуть глаз. Мне казалось, что стоит только расслабится, – и все сорвется, развалится, словно карточный домик. Если бы у меня были крылья, я бы, пожалуй, раскрыла их пошире да и сама полетела бы в обетованную. С чемоданом в одной руки, спортивной сумкой – в другой, а дамский ридикюль кило на двенадцать весом приспособила бы куда-нибудь между крылами. На шею опасно: лететь над морем, а камень на шее еще никому счастья не приносил.

Жить без крыльев – это минус, но, если ты имеешь свободу передвижения и энную сумму в валюте, всегда можно взять билет на самолет.

Помню, что в ожидании часа икс я нетерпеливо топталась по холодной плитке Домодедово и не сводила взгляд с циферблата, который отсчитывал время до посадки. Было выпито два кофе, выкурено три (или пять?) сигарет, и ужасно хотелось уже сесть в узкое аэрофлотовское кресло, пристегнуть ремни и взмыть к небесам. Или, как говорит мой друг, – «взлететь к чертям», но мне при этом всегда представлялся взрыв в салоне и то, как кружат в потоках воздуха обрывки самолетной обшивки.

Помню, что мне было очень холодно в том самолете. Так зябко, что я уже подумывала попросить плед. Но, пока железная птица готовилась к взлету и бежала по своей полосе навстречу к бескрайнему синему, – я нащупала в сумке книжку, открыла ее наугад, а дальше время, пространство и температура окружающей среды совершенно перестали меня беспокоить. Я пряталась в книжной истории вплоть до того момента, как самолет начал снижать высоту, – а дальше стало невозможно прятаться от того факта, что я все-таки при-ле-тела. Добралась.

Я же до последнего не верила, что это случится. Надеялась, но знала: в любой момент, в любую секунду все может сорваться, разломиться на сотни, тысячи частей, и я уже не смогу собрать себя назад, как тот Шалтай-Болтай, который сидел себе, сидел, а потом бах – и сва-

лился. И все, королевская конница и рать были бы совершенно бессильны перед сложившимися обстоятельствами.

Кажется, я слегка задремала. Из полусна меня вывел автомобильный гудок; я протерла глаза, посмотрела в окно и с удивлением обнаружила, что полтора часа пролетели незаметно и автобус уже подъезжает к пункту моего назначения – главной автобусной станции Беер-Шевы, которая находится в самом сердце этого пыльного городка.

Вышла из прохладного автобусного нутра, и попала прямиком в пекло: так жарко здесь было, так душно, что, казалось, каждый вдох дается с трудом. Однако уже через несколько минут, пока я разминала затекшие ноги, организм адаптировался к беер-шевской сухой жаре, и мое самочувствие улучшилось.

Мой путь лежит в квартал Рамот, где растет сквозь дом старое дерево и живет одна чудесная кавказская семья.

О, сколько в ней было тепла, в этой семье, сколько любви!

Я никогда не думала, что можно так искренне любить людей. Не только своих кровных родных, но и вообще всех: друзей детей, детей друзей, знакомых, родственников десятого колена. Когда бы ты к ним не пришел, – у них всегда находилось для тебя доброе слово и минутка, чтобы спросить о твоих делах.

Мне казалось, что меня никто и никогда не любил так, как эти, в общем-то совершенно чужие мне люди.

Я не видела их уже сколько… Пять? Шесть лет? Это долгий срок, но я надеюсь, что все они в добром здравии.

Особенно ТетьМаргарита. ТетьМама. Ее называли так все друзья ее детей, потому что она каждому из нас была мамой в самом правильном понимании – не строгим критиком, а добрым другом, плечом и опорой, надежной колонной, которая защищает тебя от падения и подопрет, если пошатнешься.

Мне поэтому страшновато было у них бывать.

Все казалось, что ее доброе отношение предназначается не мне, а кому-то другому, более достойному, более хорошему. Я все ждала, что вот-вот сейчас она придет в себя, поднимет на меня глаза и спросит строго: «А ты кто такая, девочка? Зачем пришла?»

И тогда у меня больше не осталось бы никаких опор.

Но каждый раз, когда у меня хватало смелости прийти в их дом, с моей души сходила какая-то очень тонкая стружка, и я уходила чуть более счастливой, чуть более согретой, чем была до.

И сейчас я иду к ним, не особенно веря в то, что меня пустят в дом. А может, меня даже и не вспомнят, не захотят признать, – ведь я развелась с другом их сына, и наверняка у них сохранились не самые лучшие впечатления обо мне.

Но мне хочется успеть их увидеть. До того, как.

Я стою перед воротами, и не уверена, что хватит сил позвонить в звонок. Слышу, как кто-то копошится за легкой соломенной изгородью, вижу какой-то силуэт в занавешенном окне. Вот бы тетьМама, вот бы тетьМама…

Наконец, звоню.

Дверь открывает рослая, черноволосая женщина с сильной горбинкой на носу. Спрашиваю на ломаном иврите, когда придет Маргарита. Она не отвечает и всматривается мне в лицо. Я не могу считать выражения ее лица, и это пугает. В ее глазах пробегает искорка узнавания, и она спрашивает:

– Полин?

И тогда я сразу ее узнаю. Это Гали, жена сына тетьМамы, того самого, который был лучшим другом моего бывшего мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.